

Отзыв

первого официального оппонента о диссертации Самариной Марины Сергеевны «Францисканская литература периода «начал» в контексте культуры Средневековья (XIII век)», представленной на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература народов Европы, Америки, Австралии), представленной в диссертационный совет Д.212.232.26 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Сам факт обращения к теме, вынесенной в заглавие рецензируемой диссертации, представляется событием значительным, поскольку научные исследования в сфере литературоведческой медиевистики нечасто привлекают внимание современных отечественных ученых. Это неудивительно, поскольку изучение средневековой литературы – особенно сложная сфера, она требует большой эрудиции, сбора и осмысления объемного материала не только литературоведческого характера, но материалов и документов по истории, культуре, ментальности этой отдаленной эпохи. Необходимы также серьезные лингвистические компетенции, знания по истории европейских языков этого периода, умения работать с написанными на них литературными текстами – в случае с исследованием, предпринятым М.С. Самариной, это латынь и *volgare*. Его сложность обусловлена еще и тем, что оно посвящено материалу, «укорененному» в истории католической церкви, что потребовало от автора диссертации серьезных знаний в области религиоведения, истории средневековых западноевропейских ересей, крестовых походов и т.д. Отмечу сразу же, что со всеми упомянутыми выше трудностями диссертантка успешно справилась.

Анализируемый труд привлекает новизной и масштабностью замысла, внутренним единством, междисциплинарным подходом, бережным и деликатным отношением к трудам предшественников, на которые исследовательница опирается, учитывая, уточняя и развивая высказанные в

них идеи – а в определенных случаях и полемизируя с ними. Полагаю, что автор рецензируемой работы в полной мере унаследовала исследовательские принципы петербургской – ленинградской школы медиевистики. Эти принципы включают в себя изучение литературного произведения в социокультурном контексте эпохи, тщательный филологический анализ текста, подразумевающий владение не только теоретико-литературными и историко-литературными знаниями и приемами литературоведческого анализа, но и понимание лингвистической ипостаси текста, владение методикой его лингвистического анализа.

Диссертация традиционно открывается **Введением**, которое состоит из трех параграфов. В первом из них М.С. Самарина определяет объект и предмет исследования, формулирует свою общую цель и конкретные задачи. Включенные в эту часть работы научная гипотеза и основные положения, выносимые на защиту, выявляют научную новизну диссертации, обусловленную прежде всего тем, что она является первым в нашей науке монографическим исследованием ранней францисканской литературы, которая заложила основы национальной итальянской литературы и в известной мере подготовила ренессансную «реабилитацию» земного мира и его красоты.

Второй параграф Введения содержит обзор западной францисканистики; особое внимание в нем правомерно уделено основополагающим трудам ученых XIX и XX вв.: французов А.Ф. Ознама, П. Саботье, датчанина Й.Йоргенсена, англичанина Г.К. Честертона, представителей школы «Анналов», в том числе Ж. Ле Гоффа, многочисленным итальянским студиям в этой области. Особо М.С. Самарина выделяет исследования 1980 – 2000 гг., когда интерес к этому разделу медиевистику усилился в связи с юбилейными датами; 750-ой годовщиной смерти Франциска (1979) и 800-летием его рождения (1982). § 3 Введения посвящен российской францисканистике, не столь богатой, как западная, но содержащей ряд плодотворных идей и наблюдений.

Цель и задачи исследования определили структуру диссертации, которая отражает логику развития исследовательской мысли. Работа М.С. Самариной состоит из трех глав, Заключения, Приложения и Библиографии.

Глава 1 «Франциск Ассизский и его эпоха», состоящая из трех параграфов, содержит богатый и разнообразный историко-культурный материал, дающий многомерную картину зрелого европейского Средневековья. Такая картина необходима для впервые проводимого в диссертации подробного разбора идейно-художественного своеобразия творческого наследия Франциска Ассизского и других ранних францисканских авторов, в котором воплотились духовные и эстетические искания эпохи. Здесь находим и характеристику ересей (с. 58 и далее), и анализ состояния интеллектуальной среды (создание университетов, распространение авероизма, интеллектуальное бродяжничество), и возникновение новых веяний в религиозно-церковной сфере (понятие чистилища, создание новых монашеских орденов, «очеловечивание» религиозных персонажей, крестовые походы). Рассмотренный исследовательницей в главе 1 материал убедительно подводит к выводу, сделанному ею на с. 90: «Появление на исторической арене такой фигуры, как Франциск Ассизский, было обусловлено мировоззренчески». В той же главе 1 М.С. Самарина делает важное методологическое замечание, настаивая – и обосновывая свою точку зрения – на правомерности использования термина «литература готической эпохи» (с.53-57) для характеристики словесности исследуемого ею времени. Следует отметить присущее этой главе и диссертации в целом богатство справочно-библиографического аппарата, который значительно расширяет содержание рассматриваемого научного труда и может послужить хорошим подспорьем будущим медиевистам.

Глава 2 представляет читателю литературное наследие Франциска. Значение этого раздела диссертации определяется уже тем, что религиозная литература западноевропейского Средневековья нечасто становится

предметом литературоведческого анализа. Вновь подчеркнем бережное отношение М.С. Самариной к идеям предшественников – петербургских медиевистов (см., например, с.134 и далее). Безусловное теоретико-литературное значение имеет материал, изложенный в § 1 «Понятие фидеистических текстов в религиозном дискурсе и жанр молитвы». Это, например, анализ молитвы как «бого-человеческого диалога» (с.133), как семиотического текста (с.135), ее стилистического, лингвистического и количественного аспектов (с.135-136). Представляя в § 2 главы 2 письменное наследие Франциска, М.С. Самарина правомерно делает акцент на проблеме авторства в средневековой словесности (с.142 и далее) и специфике текстов, которые традиция относит к произведениям ассизского святого, хотя в большинстве случаев они не были созданы непосредственно им самим, а записаны с его слов. Интересные идеи содержат страницы 144-145, на которых М.С. Самарина сопоставляет фигуры Франциска древнеанглийского поэта VII в. Кэдмона. § 3 той же главы, в котором рассматривается поэтическое наследие итальянского святого, наглядно демонстрирует филологическую эрудицию автора диссертации, тонко и убедительно анализирующего «Гимн творений», его стилистику (параллельные конструкции, анафоры, ассонансы и т.п.), нумерологию, композицию, образную систему. Забегая вперед, отмечу, что в целом одной из удач автора диссертации является глубокий многоаспектный филолого-культурологический анализ поэтических текстов, таких как «День гнева» Томаззо да Челано (§ 3 гл. 3), лауды Якопоне да Тоди (§ 4 гл. 3), «Range Lingua» Фомы Аквинского (§ 8 гл. 3).

Несколько слабее по сравнению с другими разделами диссертации выглядят § 4 главы 2 и §§1-2 главы 3 («Развитие францисканской литературы в XIII столетии»), посвященные вопросам анализа прозаического наследия Франциска Ассизского, проблемам изучения агиографии и ученым штудиям францисканцев. Понятно стремление автора диссертации ввести в научный обиход мало известные у нас произведения клерикальной

средневековой словесности и в связи с этим дать им характеристику. Однако в ряде случаев такие характеристики носят дескриптивный и тезисный характер, знакомят лишь с содержанием памятников, включают в себя оценки, данные им предшествующими учеными, но не автором анализируемой диссертации. Так, например, материал, посвященный «Большому завещанию» Франциска, занимает всего около 1 страницы (§ 4 главы 2, с.211-212). Такой же объем текста диссертации отведен «Легенде трех товарищей» (§1 главы 3, с.238- 239). Думается, что определенные недостатки этих параграфов обусловлены их композицией. М.С. Самарина рассматривает интересующие ее произведения последовательно, одно за другим. Известно, Франциска Ассизского глубоко волновал определенный круг проблем, актуальный для его времени. Поэтому при подобном рассмотрении его прозаических произведений неизбежны повторы, касающиеся веры святого в реальный характер Евхаристии (с.198, 217, 218), его отношения к Имени/ам Бога (217, 218), его требования тщательно собирать и сохранять Слово Божие (с. 217, 218). Вероятно, анализируемые разделы диссертации выиграли бы, будучи построены не по принципу последовательного описания отдельных памятников, а на основе анализа рассмотренных в них проблем. Более компактное изложение указанного материала, вероятно, позволило бы диссертантке подробнее остановиться на сделанных ею интересных наблюдениях, например, об образе Дамы Нищеты. К нему М.С. Самарина обращается неоднократно (см. с.207 и 236-237), справедливо подчеркивая то значение, которое идея нищеты имела для Франциска и его последователей и прослеживая связь этого образа с Дамой Философией Бозэция. Однако подробный анализ Дамы Нищеты как художественного аллегорического образа в диссертации обнаружить не удалось.

§2 главы 3 содержит много интересного фактического материала о деятельности францисканцев в Сорбонне, Оксфорде и других центрах средневековой учености. Однако степень новизны этого материала и

необходимость его присутствия в диссертации, посвященной францисканской литературе (не науке!) требует, на мой взгляд, дополнительного обоснования, которое хотелось бы услышать в ходе защиты диссертации.

§§3-5 главы 3, в которых рассмотрено творческое наследие Томмазо да Челано, Япопе да Тоди и Антуана Падуанского, кроме убедительного литературоведческого анализа, о чем уже упоминалось ранее, содержат ряд интересных наблюдений и размышлений. Это и разбор соотношения жизнеутверждающей и апокалиптической тенденций во францисканском мировоззрении и литературном творчестве, и исследование того, как идеи иохаизма повлияли на францисканскую литературу и отразились в дантовой «Божественной комедии», и характеристика языковых трудностей, с которыми сталкивались францисканские проповедники, направляемые орденом в различные страны Европы и Азии. В § 6 той же главы на фоне глубокого анализа средневекового отрицательного отношения к женщине рассмотрены два варианта женской францисканской религиозности. Это личность и труды Клары Ассизской, основанные на жизнеутверждающем мировосприятии, и полная экстатических откровений «Книга» полубезумной Анжелы да Фолио. В следующем параграфе, посвященном современному состоянию вопроса «Францисканство и ислам», М.С. Самарина анализирует разные средневековые тексты, повествующие о путешествии святого на Восток и о его встрече с Султаном. Здесь выявлены и аргументировано объяснены сходство и различия между средневековыми литературными памятниками, показаны более поздние трактовки известного эпизода. Анализ идейного содержания трудов Жака де Витри, Томмазо да Челано, Анри д'Авранша, Бонавентуры и других представляется интересным и убедительным. Однако за редкими исключениями (каковым является, например, разбор эпической поэмы о Франциске Анри д'Авранша), художественная специфика перечисленных выше произведений остается в значительной степени за рамками диссертации.

§ 8 гл.3, думается, во многом является избыточным. Понятно стремление исследовательницы сопоставить францисканскую и доминиканскую литературы того времени и обратиться к яркой фигуре Фомы Аквинского. Но Аквинат все-таки прежде всего был философом, а как поэт сочинил только один гимн, характеризуя который М.С. Самарина пишет: «Гимн этот, безусловно, нельзя назвать чисто поэтическим, это, скорее, теологическое изложение таинства евхаристии» (с.406). Полагаю, что рецензируемый параграф можно было бы существенно сократить, убрав из него общеизвестную информацию о личности Фомы, его ученичестве у Альберта Великого, его интересе к алхимии и т.п. Параграф 9 носит обобщающий характер: опираясь на труды своих предшественников, в том числе В. Бранки и И.Н. Голенищева-Кутузова, М.С. Самарина выявляет те образы и мотивы в «Новой жизни», которые были порождены духовной атмосферой Флоренции того времени, пронизанной францисканскими идеями и францисканским мирочувствованием.

Выводы, к которым автор диссертации приходит в **Заключении**, подготовлены всем ходом исследования, решают выдвинутые во Введении задачи и не вызывают ни малейших возражений. Особо необходимо отметить обширную Библиографию, содержащую 670 наименований трудов на русском, латинском и основных европейских языках, а также Приложение, знакомящее нас с францисканскими текстами в их латинском и итальянском вариантах и их подстрочными переводами. Оба раздела, как и намеченные в **Заключении** пути возможных дальнейших исследований в области францисканистики, могут послужить надежной основой для изучения как западноевропейской клерикальной литературы в целом, так и ранней итальянской словесности.

Подводя итоги, следует отметить, что личный вклад М.С. Самариной в разработку избранной ею темы представляется бесспорным. Ею впервые в нашей медиевистике представлена развернутая характеристика и осуществлен подробный анализ генезиса и развития францисканской

литературы в контексте культуры Средневековья. Рецензируемая диссертация вводит в обиход отечественной гуманитарной науки значительный пласт малоизвестной у нас ранее средневековой клерикальной литературы, а также существенно уточняет представления о средневековых корнях и предшественниках ренессансного расцвета литературы. Высказанные замечания носят частный характер и не затрагивают основную научную концепцию диссертации. Рецензируемый труд содержит совокупность новых научных результатов и положений, которые убедительно аргументированы.

Автореферат и опубликованные работы соответствуют теме и содержанию диссертации. Анализируемое диссертационное исследование вносит заметный вклад в изучение раннего этапа в истории итальянской литературы, его результаты могут быть использованы при чтении вузовских курсов по средневековой литературе и при дальнейшей научной разработке заявленной и смежной с ней тем.

Считаю, что диссертация Марины Сергеевны Самариной ««Францисканская литература периода «начал» в контексте культуры Средневековья (XIII век)», отвечает требованиям п.7 «Положения о порядке присуждения научным и научно-педагогическим работникам ученых степеней и присвоения научным работникам ученых званий» (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 20.06.2011 № 475), ее автор безусловно заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература народов Европы, Америки, Австралии).

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры издательского дела

ФГОУ ВПО «Воронежский государственный университет»
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Воронежский государственный университет» (ФГОУ ВПО «ВГУ»)

15.09.2014

Подпись	<i>Сонькина М. К.</i>
(заверяю)	<i>Сонькина М. К.</i>
подпись	расшифровка подписи
	<i>Сонькина М. К.</i>
	15.09.2014

М.К. Попова